

Деревня Гниль

Скрипун Дед

Дед Старый Скрипун Деревня Гниль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528616

SelfPub; 2023

Аннотация

Приехал по просьбе друга, который сразу после своего сообщения пропал. То с чем я столкнулся заставило поседеть и попытаться сбежать.

Дед Скрипун

Деревня Гниль

Сюда я приехал по приглашению старого друга.

Женька, прислал мне на «электронку» письмо странного содержания, где просил незамедлительно явиться к нему, так как в деревне, где ему достался по наследству от бабушки дом, происходят странные вещи, и он, из-за них, потихоньку сходит с ума. Никаких подробностей более не сообщалось, а достучаться до него больше не представляло возможности, потому как он не отвечал ни на письма, ни на звонки.

Собраться в дорогу мне не составляло особого труда, так как я и так сидел на чемоданах, находясь в заслуженном отпуске, и раздумывал: «Куда податься на отдых».

Закинув в «Ниву», дорожную сумку с немногочисленными пожитками, посидев на дорожку на диване, и перекрестившись (не сказать, что я был набожным человеком, но традицию соблюдал), отправился в путь.

Четыреста пятьдесят километров от подъезда моего дома до областного центра, потом еще шестьдесят до районного и там уже рукой подать, каких-то сорок два до деревни Пилькино, в простонародье называемой: «Гниль», где и обитал мой обеспокоенный, пропавший друг. Почему так называли это селение? Не имею никакого понятия, знание это покрыто туманом неизвестности. Но скорее всего, это из-за боло-

та, находящегося неподалеку и распространившего по округе запах преющего торфа во время летней жары.

Когда до места окончания моего путешествия оставалось, совсем ничего, мой стальной конь издох. Фыркнул злобно на прощание выхлопной трубой и затих грудой мертвого железа, посреди грунтовой дороги. И сделал он это, в тот момент, когда показался из-за поворота мрачного ельника, окружающего деревню, первый скособоченный старостью дом.

Неприятное чувство холодком пробежало между лопаток. Предчувствия чего-то нехорошего. Бывает иногда у меня такое, как наверно у каждого из нас. Случилась мелкая неприятность, а ожидания какие-то грандиозные, и обязательно фатальные, и плохие. Ну подумаешь машина заглохла, ничего особенного, с каждым может случиться, так нет же, в голове испуганные мысли: «Что-то не так. Плохое предзнаменование. Сглазили.», да еще это неприятное ощущение «чужого взгляда» на спине. словно кто-то из ельника смотрит и потирает в злорадстве ладони: «Приехал? Вот и славненько. Давно ждем».

Заброшенные строения всегда наводят на человека чувство обреченности и бессмысленности, а если они еще стоят на опушке темного леса, то эти ощущения усиливаются многократно. Вот и этот бревенчатая развалина, не доставила мне радости и не приподняла настроение.

В приоткрытую ставню, сквозь щель пыльного окна торчал край белоснежно-неестественной, занавески, словно ку-

сочек савана из мрака подгнившего гроба, а нервно поскрипывающая, на ржавых петлях, на ветру, дверь, предупреждала: «Не доводи до греха. Проходи мимо».

Повалившиеся местами, покрытые мхом, жерди забора, утонувшие в густой крапиве, и перевитые вьюном. Одинокая, засохшая яблоня во дворе, с черной вороной на серой, корявой, похожей на сведенную судорогой руку – ветке, внимательно наблюдающая, немигающей пуговицей-глазом, за проходящим мимо нее по дороге путешественником, а также круги рваной паутины, с нашедшими в ней упокоение мухами, жуками и мусором, развешанные повсюду, оптимизма не добавляли.

Жуткое зрелище. Этот дом всегда пользовался дурной славой. Даже когда была жива тетка Авдотья, а уж когда померла, то и подавно. Местные бабы даже обсуждать эту тему боялись. Наверно правильно делали. Когда встречаешься с чем-то неестественным, не поддающемся осмыслению, лучше не трогать, целее будешь.

Деревня Гниль и в лучшие годы не отличалась многолюдностью, а в последнее время и подавно опустела. Зачем Женьке понадобилось сюда переселиться? На этот вопрос он наверно и сам не знал ответа. Захотелось и все.

Я остановился на главной улице, у колодца, называемого в народе: «Журавлем», тоскливо смотрящего длинной шей-жердью в небо, и видимо мечтающего улететь из этой угрюмой безнадёги в более радостные места. Тишина нава-

лилась мертвым грузом на плечи, как только я остановился, престав шуршать эхом по песчаной дороге кроссовками. Даже вездесущие собаки не гавкают, да что там брехливые сторожа хозяйских участков, даже птиц, и тех не слышно, только редкие глухие капли где-то внутри колодца:

– Кап – кап. Кап – кап. – Аж дрожь пробирает.

Где находится дом моего друга я знаю. Но почему-то ноги туда не идут. Словно приросли к дорожной пыли. Не оторвать. Стою думаю: «Зачем приехал? Может ну его это все. Развернуться и рвануть к морю. Там весло, и народу много. Не то, что здесь. Машину почию, не впервой...»

– Ты чьих милوک будешь? – Скрипящий голос за спиной прозвучал на столько неожиданно, что я едва не подпрыгнул, и не бросился бежать. Насилу сдержался. – Чего это ты милوک задрожал? Старуху испугался?

Я нервно обернулся и вновь вздрогнул от увиденного. За моей спиной стояла ведьма, самая настоящая, сошедшая с картинок комиксов-страшилок. Изъеденное морщинами долгой, видевшей еще Наполеона жизни, лицо. Нос крючком, с растопыренными ноздрями, как клюв совы, рывками вдыхающий воздух, принимающий, словно собака-ищейка, берущая след. Бледные, тонкие ниточки-губы, вытянутые в ехидную улыбку, с торчащем в правом нижнем углу желтым зубом-клыком, сточенным до гнилого пенька, намазанные ярко-красной помадой, как кровью, на бледном до синевы лице, и блеклые, пустые, когда-то, наверно, соч-

но-зеленые глаза, выцветшие теперь до состояния болотной, покрытой ряской, жижи.

Из-под вязанной крючком, белой, ажурной панамки, спускается по плечу длинная седая как пепел, толстая тугая коса, перетянутая в конце детским, розовым в горошек бантиком, и змеей опускается на грудь, меж двух иссушенных бугорков.

Маленького роста старушка, едва достающая головой мне плеча, казалась еще более низкой, из-за уродливого горба, торчащего иссушенным холмом с правой стороны спины, а также из-за того, что опиралась сложенными друг на друга ладонями, с длинными, ухоженными, выкрашенными рубиновым лаком ногтями, на изящную черную трость, с серебряным набалдашником в виде козлиной морды. Белое, кружевное платье, ажурами спускается с костлявых плеч до самой земли, а из-под стелящегося по пыльной дороге подола, торчат кончики грязных черных резиновых колош.

– Да ты никак онемел, красавчик? Красоты такой давно на видывал? – Засмеялась она хриплым натужным кашлем. – Что стоишь, глазами хлопаешь? К кому приехал спрашиваю? Тут чужаков не любят. – Смех сменился злобным рыком. – Ответствуй, когда спрашивают?

Я вздрогнул пробежавшими по телу мурашками, и посмотрел ей в глаза. Не знаю, что это было, но я не смог ни отвести взгляд, ни ответить. Горло перехватило спазмом, а руки предательски затряслись. Тряхнув головой, немного прогнав наваждение, я преодолел первоначальный шок. Мозг

осознал, что передо мной обыкновенная бабушка, с причудами в одежде, конечно, но в общем ничего необычного. Но вот душа не соглашалась, она ощущала другое, чувствовало все мое естество, что сейчас решается дальнейшая судьба, и цена ответу будет жизнь, и не чья-то, а моя собственная. Виной тому осознанию, взгляд жестких, пристальных, блекло-зеленых глаз, разглядывающих меня как хозяйка с тапком в руках, разглядывает таракана, чувствовалось в них что-то неестественное, что-то такое, от чего озноб начинает гулять по коже.

– К Женьке я. – Продрожал я, предательски сорвавшемся в дисконт голосом. – Он попросил приехать и пропал.

– Ах к Женьке. – Усмехнулась, как-то хищно причмокнув, старуха. – Так нет его. Он с Санькой Кривым на рыбалку уехал. Дня три еще не будет. Так что можешь назад возвращаться. Домой езжай, и машина заведется, и ноги пойдут. – Она улыбнулась и подмигнула, вспыхнув зеленой искрой глаза. – А можешь и подождать дружка своего. Женькин-то дом закрыт на замок, от греха подальше, времена-то нынче лихие, татей много расплодилось, но я тебя касатик, приютить могу, и возьму недорого. Заодно и с внучкой моей познакомишься. Развлечешь кровинушку. Скучно ей тут со старухой.

Мой внутренний голос пискнул страхом: «Беги», но губы сами собой произнесли другое:

– Спасибо бабушка. Даже и не знаю, как вас благодарить.

Но я вас что-то не припомню? Хотя уже бывал в этой деревне. Кто вы?

– Так Марфа я. – Хмыкнула она. – Мы с внученькой недавно сюда переехали. В прошлом году. Как прознали, что сестрица моя, единоутробная, померла, так и заселились в дом ее. – Она мотнула головой себе за спину, показывая, где именно они живут теперь, и седая коса-змея, на груди, неестественно шевельнулась. – Да ты милоч только что мимо нас прошел. Я из окошка видела. Дом Авдотьи-то знаешь поди? – Сердце кольнуло иголкой, но тут же отпустило, успокоенное доброй улыбкой бабушки. – Пойдем, касатик, я провожу. Внученьки правда пока нет дома, по грибочки она, в лес пошла, но думаю к ночи вернется. Я тебе в горнице постелю. А хочешь так на сеновале, там дух приятный, да и воздух свежий, не чета как в избе. – Она вопросительно согнула бровь. – Ну так как решим?

– На сеновале. – Буркнул я, и покрылся испариной вспомнив тот дом. Больно жутко он выглядел снаружи, и потому внутреннее убранство представилось мне, покрытым сплошным слоем паутины и кишашее клопами и прочей кровососущей гадостью.

– Вот и славненько, соколик. Так даже лучше будет. – Улыбнулась она желтым зубом. – Идем скорее, а то стемнеет, а света в деревне нет. Как порвало линию электрическую ураганом, прошлой зимой, так в потемках и сидим. Маемя. – Она внезапно оступилась, и чтобы не упасть, ловко

ухватила меня под руку, вцепившись в бицепс сухими, и на удивление сильными пальцами. Стрельнула зеленой искрой глаза и довольно крикнула: – Идем, тут недалеко.

В жуткий дом меня завели как куклу, безвольно переставлявшую ватные ноги по прихоти кукловода. Я все понимал, даже пытался сопротивляться, где-то глубоко в душе, но шел как тот кролик, загипнотизированный удавом. Знал, что сейчас сожрут, но сделать уже ничего не мог.

Страшный, покрытый старостью и паутиной снаружи дом, на удивление оказался чистым и уютным внутри. Пахло пирогами, специфическим ароматом воска плавящихся свечей, а также еще чем-то таким неприятным, сладковато-приторным заползающим в сознание непроизвольным страхом, чего я никак не мог определить, хотя, честно сказать и не пытался.

Обычная деревенская изба – пятистенок. Посреди беленая известью, протопленная до духоты печь, занимающая треть пространства. Круглый стол, накрытый накрахмаленной белоснежной скатертью, с медным, булькающим кипятком внутри самоваром, и блюдом румяных пирогов. В «красном» углу черный, как клякса на листе бумаги, контрастирующий с идеальной чистотой, огромный сундук, а над ним, под потолком, там, где обычно находятся иконы, большая спираль толстой, пыльной паутины.

– Художнику отдала, обещал трещинки на холсте подправить. – Пояснила старуха, проследив за моим взглядом. –

Старая икона требует ухода. Ты за стол-то садись, касатик, не стесняйся, перекуси с дороги, и на покой, на сеновал. Отдыхать. Там глядишь и внучка подоспеет. – Загадочно ухмыльнувшись добавила она. – Познакомитесь. Она у меня девка веселая, а уж затейница какая. . . Ты кушай, не стесняйся, а я пока простынку да одеяльце принесу, ночи нынче холодные.

Она ловким движением фокусника выставила передо мной парящую ароматом мяты и чебреца чашку, и скрипнув на прощание входной дверь ушла.

– Беги. – Пискнул внутренний голос, но был безжалостно подавлен урчащим от голода желудком, пирогами с капустой, и сладким чаем. Дремота наваливалась с каждым съеденным куском и выпитым глотком, шторками сна закрывая соловеющие глаза. Когда бабка вернулась, я уже практически ничего не соображал, только чудом не выпадая из реальности.

– Ой милоч. Перестарался ты. Нельзя же на ночь столько кушать. Пойдем-ка баиньки. До сеновала ты уже вряд ли дойдешь, постелю тебе тут, вон на сундучке, место хорошее, проверенное, там и переночуешь.

С последними словами я провалился в темноту, изредка вспыхивающую мгновениями жутких видений.

Сначала появилось пятно девичьей фигуры, в ночной сорочке из белой воздушной паутины, парящее над полом. Оно приблизилось ко мне, светясь в мраке красивым полупрозрачным лицом.

– Беги. – Прозвучал голос в голове, но я погрузился в мрак, не успев даже осознать, что происходит.

Вновь проблеск. Теперь я уже сижу за столом, с расставленными на нем в виде треугольника, горящими свечами. Справа, рядом бормочущая заклинания бабка, хмурится и сопит носом, пытается чего-то добиться, но у нее не выходит. Слева, улыбающаяся неестественно-красными губами, все та же девушка, что навещала меня ранее в видении. Рассматривает, меня нагловатым зеленым взглядом из-под черных бровей – ниточек, и задорно подмигивает, куда-то приглашая. Напротив, склонившись над столом, возвышается угрюмый, седой, заросший по брови бородой дед. Он что-то вещает скрипучим голосом, размахивая кривыми пальцами у меня перед носом. Слова слышу, но понять не могу. Вновь туманом наползает на сознание мрак.

Третье виденье выскакивает ужасом, вырывая меня из небытия. Я взлетаю над сундуком, запеленованный простыней как новорожденный младенец, на столько туго, что не могу сделать вдох, и хлебнуть пересушенными губами спертого, воняющего болотом и воском воздуха. Несусь вверх, прямо в искрящую антрацитом паутину. Раскрываю в беззвучной панике искривленный ужасом рот. Долго, очень медленно приближается, замершая в тягучей массе времени и пространства, наливается мелкими деталями, жуткая цель. Рывками меняется из паутины, в гудящую черную воронку, с огненной точкой бурлящего адского пламени внутри.

Треск электрического разряда, дикая боль во всем теле, и вновь мрак.

– Как спалось. Касатик? – Вернул мое вспотевшее тело в реальность ехидный голос улыбающейся, сидящей за столом старухи. – Солнышко уже за полдень перекаатилось, а ты все валяешься. – Она отвернулась, гулко отхлебнув из чашки, и причмокнув кусочком сахара, пробубнила в стол: – Вот все вы городские такие, изнеженные. Чуть что и в обморок. Нет на вас надежи. Поди в огород, там Анютка тебе водицей ключевой сольет на руки, умоешься, а то вон как вспотел. Хотя и вправду душно в избе.

Я сел, свесив с сундука ноги, провел вздрагивающей ладонью по мокрому, липкому лицу, стерев пот и прогоняя сон. Спал в одежде, не раздеваясь, да еще в жарко-протопленном доме. «Так вот откуда эти ночные кошмары. От духоты.» – Понял я причину видений. Осознание успокоило нервы, но ощущение какой-то безысходности, не покинуло. Я встряхнул головой, окончательно просыпаясь. «Странная бабка, и деревня, то же не менее странная. Где все жители? Почему так тихо? Уезжать отсюда надо.»

Заскрипев нервной дверью, я вышел наружу, под палящие лучи солнца. Сразу полегчало. Голубое небо, с перистыми, застывшими в безветрии облаками, и сочная зелень лета, своим умиротворением наполнили душу, прогнав ночные страхи.

«Вот дурак. Сна испугался. Выводов наделал». – Подумал

я и улыбнулся. – «Довел сам себя глупыми домыслами до дрожи в коленках. Насочинял разного. Даже стыдно вспомнить».

– Доброе утро. – Голос несмотря на то, что был бархатным и приятным, прозвучал на столько неожиданно, что меня пробило электрическим разрядом, а когда обернулся, то вновь покрывлся испариной.

На лавочке прислонившись спиной к темной бревенчатой стене, в черной монашеской одежде, скрывающей фигуру мрачным саваном, сидела, отстраненно прикрыв глаза, девушка из ночных кошмаров. Ухоженное, белоснежное до синевы лицо, без малейших признаков косметики, светлым пятном выглядывало из-под опущенного до бровей капюшона.

Она неторопливо, величественно поднялась, стряхнув с головы накидку. Черные длинные волосы, вспыхнув на солнце синими искрами, рассыпались по плечам. Зеленые глаза с усмешкой осмотрели меня.

– Ты красивый, но слабый. – Пухлые ярко красные губы расплылись в усмешке. – Снимай рубаху, полью. – Рядом с ней стояло, незамеченное мной ранее, эмалированное ведро, наполненное искрящейся на солнце водой, с плавающим на поверхности деревянным, покрытым замысловатыми узорами ковшом. – Ну что застыл идиолом? Раздевайся, да наклонись.

Я не посмел перечить, и через мгновение, ледяная лава,

прокатившись по спине иглами холода, прогнала и сон, и навязание, наполнив душу уверенностью.

«И чего дурак напугался. Ну странные они. Мало ли чудачков на свете. Подумаешь. Может она монашка, большую половину жизни проводящая в кельи, потому и бледная такая, и одежда как раз соответствует. А у бабки вообще старческий маразм. Ты же современный человек. Все эти страшилки не должны тебя беспокоить после просмотров фильмов-ужасов, и прочей белиберды, ставшей популярной в последнее время. Это все сказки. В жизни ничего подобного не бывает. Это противоестественно». – Взбодрил я себя мыслями и ключевой водичкой. Сразу стало легко, и захотелось похулиганить, приударить, например за этой красавицей. А ведь она действительно великолепна, жаль фигуру не рассмотреть.

– Так ты Аня? – Я выпрямился, отфыркиваясь и беря у нее из рук белоснежное, вышитое синими цветами полотенце, и вытирая лицо.

– И как ты только догадался? – Ехидно ответила она, и села на лавку. – Иди, там бабка Марфа заждалась. Завтраком тебя кормить будет.

– Может присоединишься к нам? – Улыбнулся я как можно доброжелательней и подпустив голосу сексуальности добавил. – Красавица.

– Я не ем по утрам. – Окинула она меня уничижительным взглядом. – Топай в дом, Дон Жуан.

Завтракал я один. Бабка, плеснув в большую чашку ароматного чая, поставила ее передо мной, и стянув с блюда с вчерашними пирогами полотенце, буркнув на прощание: «Кушай касатик», удалилась. За дверью прозвучал ее тихий шепот, и весте с внучкой они ушли.

Вновь могильная тишина накрыла округу. Даже кузнечиков неслышно за открытым окном.

«Проклятое место. Надо уезжать отсюда. Женьку дождусь, узнаю у него, что случилось, и ноги моей больше тут не будет. Нечего тут делать».

С такими мыслями, я вышел на улицу, и задумался: «Чем себя занять?». Решил пройтись по деревне. Посмотреть, что тут да как. Может с кем из местных пообщаться получится, узнать о приютивших меня на ночлег хозяевах. Странные они. Тайнами покрытые как кекс сахарной пудрой.

Как-то незаметно, деревня закончилась около полуразрушенной часовни, охраняющей заросшее травой кладбище. Покосившиеся памятники, выглядывали неммым укором, из зарослей, ругая своим одиноким видом позабывших про них родственников. Настроение упало еще ниже, и я развернулся в обратную сторону, желая поскорее покинуть это неприятное место, но зачем-то остановился. Необходимо было зайти в часовню. Зачем? Сам не знаю. Нужно и все. Душа зовет.

Сквозь щели в полусгнившей кровле, пыльными лучами проникало солнце. Ее я увидел сразу. Икона Божьей матери, с младенцем на руках. Она смотрела на меня сочувствен-

но улыбаясь божественным светом. А может это только казалось. Ведь один из солнечных лучей, как раз ее освещал, проникая сквозь самую большую дыру.

Рядом, воткнутая в пыль, непонятно каким образом стоящая и не падающая, торчала тонкая желтая, полусгоревшая свеча.

«Надо бы зажечь». – Подумал я и похлопал по карманам в поисках зажигалки. Ни сигарет, ни ее небыло. Курю я редко, от случая к случаю, потому раньше и не спохватился, мог и в машине забыть: «Надо сходить, принести». Я вышел, перешагнув через остатки бывшей двери, теперь полусгнившей кучей, валяющейся в проходе. Чтобы не дай бог не наступить на ржавый гвоздь, я смотрел вниз, под ноги, а когда поднял глаза, то чуть не вскрикнул от испуга.

Прямо передо мной стоял тот самый дед из сна, и молча буравил меня взглядом черных, внимательных глаз.

– Ты не дойдёшь до машины. – Его голос прозвучал в тишине как залп орудий. – Они закрыли путь. – Продолжил он и протянул мне, в заскорузлой ладони коробок со спичками. – На, зажги. Тебе же это надо? Заодно и мне поможешь. Я устал в одиночестве сражаться с ними.

– Вы кто. – Я справился со своими эмоциями, и попытался задать вопрос уверенным голосом, но не получилось, смог только прохрипеть. Слишком сильное потрясение испытал.

– Я-то? – Горько усмехнулся он в ответ. – Бывший священник, приехавший сюда изгонять бесов. Теперь обитаю

тут безвылазно. Чего тебе пожелать не могу.

– Я вас видел во сне.

– Во сне? – Он удивленно вскинул седые брови. – Ты думаешь это был сон? Святая простота. Иди, зажги свечу, и поговорим.

Фитиль вспыхнул неестественно ярко, наполнив теплом пропахнувшее плесенью помещение. Такая маленькая, а жару много? Но я даже не удивился этому, приняв как само собой разумеющееся. Дед жестом пригласил, и мы сели рядом, прямо в мусор, прислонившись к черным бревнам часовни. Он рассказывал, а я, с каждым словом холодел от ужаса.

– Они появились сразу после похорон Авдотьи. Бабушка – божий одуванчик, вся из себя ласковая, и добрая, да внучка-монашка, неразговорчивая и угрюмая. Представились родственниками, и поселились в доме. Ни у кого из жителей и в голову не пришло проверять их. Кому надо в чужую жизнь лезть, если это не касается тебя лично. Посплетничали конечно бабки у колодца, да угомонились.

Первыми умерли сразу двое. Санька Кривой и его жена Клава. Задохнулись угарным газом. Так участковый сказал после вскрытия. Одно только странно было: «От чего это они так поседели, ведь до этого нормальными были?» Списали все на действие газа. Схоронили и забыли.

Следующим стал Лешка Дзыкин. Его нашли повесившимся в сарае. Тоже вроде ничего особенно странного. Он давно сох по Надьке библиотекарьше, от неразделенной любви,

вот и не выдержал, наложил на себя руки, только вот одно странно: «От чего это молодой, двадцати-пятилетний мужик поседел?», да и Надька с тех пор исчезла. Как в воду канула. Наверно винила себя в смерти парня, вот и сбежала. Одно-го схоронили, другую в розыск подали. Можно вроде и позабыть, но осадочек остался, и взорвался общим недовольством, когда родителей пропавшей девушки нашли на кладбище мертвыми, сразу двоих, обнявшихся и полностью седых. Как опять же вскрытие показало: «Умерли от обширных инфарктов практически одновременно».

Вот тут-то меня и послал настоятель монастыря, что в районном центре, как более опытного в таких делах, разобраться, что тут происходит, да освятить деревню от происков нечистого. Приехал я, и сразу сюда, в часовенку значит. Свечку зажег, начал молится. Но тут ветер дунул и все мраком затянуло. Огонь святой погас, а в дверь бабка с внучкой входят. Бледные, руки трясутся.

– Давай договариваться по-хорошему, священник. – Говорит мне стара ведьма. – Ты уезжаешь, и уже, в течении года, становишься настоятелем монастыря. На золоте кушать будешь. Паствой обзаведешься немереной, все желания твои тайные исполнятся.

– Нам можно доверять. Мы не обманем. – Поддакнула молодая. – Соглашайся. Всего-то и надо, уехать и не возвращаться.

Притворился я, что готов принять их предложение, вот

только гарантий потребовал, мол: «А кто же вы такие, и что за сила за вами стоит?». А сам молюсь в душе, прошу господу пособить. Готовлюсь изгнать эту пакость назад в преисподнюю.

Не успел. Догадались ведьмы. Заклятием в меня швырнули.

Тело умерло мгновенно, а вот душу Господь уберег. Только вот схлестнулись теперь во мне две силы великие, свет да тьма, и брненное тело, уже мертвое, живет отныне в муках, и будет так существовать, пока не призовет сюда Архангелов божьих и те не изничтожат эту напасть.

Там, на небесах, знают о случившемся, но дорогу сюда не видят. Укрыта она покрывалом черным, духом преисподним наполненная, мороком залита дьявольским. Но слава Господу, ты свечку зажег. Увидят теперь свет. Остается только ждать, когда воинство божье явится. Нужно до утра продержаться. До первых петухов. Поэтому слушай меня внимательно и запоминай...

Назад, я возвращался на подгибающихся ногах. Легко сказать: «Главное в себе страх побороть.», а ты попробуй, когда душа на каждом шаге замирает, и пытается остановить бешено колотящееся сердце. Ну вот совсем я не герой. Но делать тут нечего, удрать не получится. Не отпустит нечисть, заморочит в пути, заведет в болото, или еще куда похуже, погубит. Трясусь, но иду.

Дверь предательски скрипнула, полоснув по нервам лез-

вием ужаса. Они сидели вдвоем за столом и мирно пили чай, в прикуску с сахаром. Идеалистическая картина мирного семейного вечера при свечах, если только не знать, кто сидит. Я знал, и потому покрылся липким потом.

– Проходи, касатик. Присаживайся. Поужинаешь и баиньки ляжешь. Я уже вон на сундучке постелила. – Наманекюренный кривой палец бабки ткнул в сторону предполагаемого ночлега. А молодая ведьма хохотнула в кулак, стрельнув глазами.

– Нет. – Дрогнул я хриплым голосом. – Душно тут, я на сеновал. – И не дожидаясь разрешения, подхватив с сундука одеяло, выскочил вон, услышав за спиной разочарованный выдох. Первую часть плана выполнил. Вроде все прошло гладко. «Главное теперь не уснуть. Хотя с натянутыми струной нервами это нереально». – Думал я наивный, не зная на что способна нечисть, для достижения своих целей.

Сарай пахнул прохладной свежестью душистого сена. Расстелив одеяло, я сел, по-турецки скрестив ноги, и принялся ждать, борясь с мелкой дрожью и успокаивая себя аутотренинговой скороговоркой: «Все будет хорошо. Я выдержу. Я смогу. Я смелый. Я сильный». – Это мало помогало, но я не останавливался, повторяя снова и снова на манер молитвы: «Я смогу» ...

Темнело до отвращения медленно. Так всегда бывает, когда чего-то ждешь, особенно если это «что-то», будет неприятным, а уж тем более ужасным. Около дверей сарая запел

нежный женский баюкающий голос, заунывно выводя колыбельную.

– Ночь, плывет над всей землёй,

Ты глаза свои закрой...

Мои веки предательски дрогнули и начали наливаться свинцовой тяжестью. Я дал себе пощечину, отгоняя морок, с прослезившихся от боли глаз, но помогло не на долго, и я вновь начал засыпать. Тогда вскочил, и сам запел, пританцовывая и выводя громким, по возможности бодрым голосом:

– Калинка, калинка, калинка моя!

В саду ягода-малинка, малинка моя!

Эх, калинка, калинка, калинка моя!

В саду ягода-малинка, малинка моя!

Голос за дверями смолк, но спустя мгновение вновь зазвучал задорным смехом:

– А ты не так прост, путник. Но всеравно станешь моим. Ты ведь хочешь ведьму. А? Только не ври ни мне ни себе. Я ведь все чувствую, и уже иду к тебе.

Беззвучно приоткрылась узкая щель в дверном проеме, осветив сеновал лучом лунного света, на миг моргнула темной тенью гибкого девичьего тела и погасла полумраком.

– Я тут. – Донесся до меня с придыханием нежный голос.

Белесое, слегка светящееся голым телом сквозь воздушный саван пятно стройной фигуры, привидением заскользило по кругу, в эротическом танце. Только вот на меня это подействовало по-другому. Я вжал голову в плечи и, сотрясаясь от страха заскулил. Она танцевала и манила рукой:

– Идем милый. Идем в дом. Тут колючее сено, а там удобный сундук. Тут холодно, а там тепло. Старуха уже спит, и нам никто не помешает.

Я упрямо замотал головой. Попытался ответить, но только прохрипел пересохшим горлом. Отказ видимо показался ей неубедительным, и жесткие пальцы схватили меня сзади за плечи.

– Расслабься, милый. Ты напряжен. – Я медленно погружался в транс под действием бархатного голоса, и нежных массирующих рук, и в какой момент, она оказалась сидящей у меня на шее, сдавив коленями щеки, и схватившись за волосы, на манер вожжей. Наваждение мгновенно испарилось раздавленное навалившимся ужасом.

– Давай жеребец. Вези. Хорошая коняшка. – Задорный смех ведьмы отрезвил почти заснувшее сознание, и я попытался скинуть ее с себя. Не тут-то было. Она вцепилась как клещ. – Не брыкайся. Вези. Это будет незабываемая ночь. – Куда делась вся нежность? Теперь ее голос звучал властной насмешкой. И ноги сами собой вынесли меня на улицу. – Но, жеребец. Поддай огня. – Острые колени прищипорили щеки. – До колодца и обратно. Галопом. Но...

Я летел по деревенской улице, не касаясь земли, перебирая в панике ногами, взбивая густой ночной воздух под хохот ведьмы. Мысли скакали вместе с телом, и норовили выскокить вон из головы, и погасить сознание в блаженном беспмятстве. Сам не пойму, как я выдержал это издевательство.

В избу мы влетели, выбив с грохотом дверь, и застыли перед столом, за которым сидели: старая ведьма, и мой недавний собеседник, буравя друг друга ненавидящими взглядами.

– Почему ты не сдох тогда, проклятый поп. Сколько ты еще будешь действовать нам на нервы?

– Я окончательно умру, только тогда, когда уничтожу вас. – Хмуро ответил старик.

– Что ты можешь, раб своего бога. – Захохотала Марфа. – Кидай этого на сундук. – Мотнула она головой, отдавая приказ внучке. – Хозяин уже заждался его трусливую душу.

Свечи на столе задрожали, воздух загустел, наполняясь потусторонней тьмой, паутина в углу начала раскручиваться в воронку, блеснув в глубине огнем. Все как в недавнем сне, только на Яву. Ужас пронзил мне грудь. Это конец.

– Верую в единого Бога Отца, Вседержителя. Творца неба и земли. Всего видимого и невидимого. И в единого Господа Иисуса Христа, ...

Неожиданно громко и торжественно зазвучал голос священника.

– Заткнись. – Взвыла старуха, покрывшись испариной. –

Умолкни. Заткни этого святошу!!! – Скомандовала она внучке и та, спрыгнув с моих плеч, кинулась с визгом к старику. Перегнувшись через стол, начинающим зеленеть телом, она вцепилась крашеными кровью, вытягивающимися в когти ногтями, ему в лицо.

– Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков: Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного не сотворенного. Одного существа с Отцом. Им же все сотворено. Ради нас людей и ради нашего спасения... – Продолжил ни смотря ни на что, читать молитву дед, словно не замечая ведьмы, раздирающей ему плоть.

– Приди хозяин. Слуги твои нуждаются в тебе. – Выла старуха, все более и более возвышая голос, пытаясь перекрыть священника. – Помоги нам служить тебе владыка тьмы. Забери жертву, явись в славе своей.

Из черного зева воронки заструился серый дымок.

Я, забытый всеми, потихонечку попятился на коленях назад к двери нервной скороговоркой причитая:

– Спаси помощи. Спаси помощи. – И толкнув пятками, выскочил на улицу.

В этот же момент небосклон взорвался первым лучом солнца, стрелой влетевшим в открытую мной дверь, и громким петушиным криком. Дом вспыхнул изнутри слепящим светом и предсмертными воплями. Это было последнее, что я увидел и услышал.

Очнулся в своей «Ниве», в бешенстве крутя ключ зажигания, и пытаясь завести уже работающий двигатель. Автомобиль рванул с места, вырвав куски земли протекторами колес, и помчался вон.

В ожидании погони, в безумстве выжимая педаль акселератора, я несся, петляя по изгибам грунтовой дороги, пытаюсь скорее сбежать от собственного страха. Взгляд в зеркало заднего вида, пробил по нервам искрой ужаса.

На меня смотрел, улыбаясь безумными глазами, древний, седой как лунь старик. Он вытер слезу с белесых ресниц сморщенной ладонью, звякнув знакомым золотым браслетом.

– Женька?! Живой!!! Слава богу!!! – Не веря своим глазам воскликнул я, опознав друга только по часам. – Как ты тут оказался?!!

– Хочу домой. – Зарыдал, содрогаясь всем телом он и зарылся лицом в ладони. – Увези меня отсюда...